

U S S R A C A D E M Y O F S C I E N C E S
G E O G R A P H I C A L S O C I E T Y O F T H E U S S R
O R I E N T A L C O M M I S S I O N

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship
of D. A. O L D E R O G G E, Corresponding Member
of the U S S R
Academy of Sciences

VOL. VI

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE PACIFIC BASIN

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
M O S C O W 1968

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК VI

СТРАНЫ И НАРОДЫ БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

Е. И. Лубо-Лесниченко

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ г. ХАРА-ХОТО

Известный всему миру мертвый город Хара-хото расположен в западной части Автономной области Внутренняя Монголия, в низовьях р. Эдзин-гола, там, где она разделяется на ряд рукавов, впадающих в озера Гашун-нор и Сого-нор. Развалины Хара-хото находятся среди безводной пустыни, в 15 км к востоку от главного рукава Икен-гол, близ высохшего русла Эдзин-гола.

В древности, находясь в глубине Гобийской пустыни, оазис Эдзина был очень плодороден. Он имел также важное стратегическое значение, являясь узлом путей, идущих на запад к Синьцзяну и Средней Азии, на север — в Монголию и на восток — к Китаю. Яркая характеристика низовьев Эдзин-гола содержится в письменном источнике Вэйского времени (III в. н. э.): «Эта область имеет большое значение при передвижениях северных разбойников. Страна плодородна и благоприятна для земледелия... На севере она примыкает к большой пустыне, где собираются в больших количествах дикие звери»¹.

В длинной цепи оазисов, связывающих Китай с западными странами, низовья р. Эдзин-гола привлекали к себе пристальное внимание многих исследователей. Это было вызвано тем, что в XX в. в этом районе были сделаны два крупнейших археологических открытия: первое — в 1908 г. — находка экспедицией П. К. Козлова «Знаменитого субурга-на»² (предметы из которого служат основным источником по изучению культуры государства Сися — 982—1227), а также открытие средневекового города Эдзины тангутской и монгольской эпох (XI—XIV вв.); второе — в 1930—1931 гг., сделанное шведской экспедицией Ф. Бергмана при археологическом обследовании Эдзин-гола, — эта экспедиция обнаружила более десяти тысяч исписанных деревянных дощечек, датированных ханским временем (II в. до н. э. — II в. н. э.). Эти дощечки являются важнейшим источником для изучения истории, экономики и административного устройства пограничных районов Китая в Ханьскую эпоху.

Среди многочисленных исследований, связанных с находками в Хара-хото, часть работ касается непосредственно его истории и истории

¹ См. «Души фанъюй цзяю», т. 2, Пекин, 1958, стр. 2715 (на кит. яз.).

² Субурган — монгольское название ступы, памятника буддийской архитектуры.

низовьев Эдзин-гола: например, работы Хуан Вэнь-биня и Лао Ганя³, посвященные в основном Ханьской эпохе, работы А. И. Иванова⁴, Н. А. Невского⁵, А. Стейна⁶ и А. Масперо⁷ — истории Хара-хото в тангутское и монгольское время. Общая история Хара-хото изложена в книгах О. Франке⁸, Х. Мацуда⁹ и Б. Соммарстрема¹⁰. Значительный вклад в изучение истории Хара-хото был сделан советским ученым В. Н. Казиным¹¹.

* * *

Самые ранние памятники, найденные в бассейне р. Эдзин-гола, относятся к неолиту. Большинство их обнаружено в районе озер, особенно на северном берегу озера Сого-нор. Четырнадцать небольших групп памятников были найдены в районе Хара-хото и две в районе среднего течения Эдзин-гола. Эти находки были тщательно исследованы шведским ученым Д. Марингером¹².

Несколько предметов, обнаруженных экспедицией Ф. Бергмана, относятся к середине I тысячелетия до н. э. В это время район Эдзин-гол был занят гуннами и юэчжи, ведущими кочевой образ жизни.

В V—III вв. до н. э., вероятно в период Чжаньго, китайцы впервые получают смутные сведения о р. Эдзин-голе и озерах. В разделе «Шуцзина» «Юйгун» («Дары Юю»), составленной во время Чжаньго (V—III вв. до н. э.), упоминаются р. Жошуй и «сыпучин пески» — Люша. По традиции, восходящей к Ханьскому времени, р. Жошуй отождествляется с р. Эдзин-голом, а Люша — с озерами Гашунь-нор и Сого-нор¹³.

Начиная с ханьского времени Люша становится общим обозначением Гобийской пустыни в целом, а для района Эдзин-гол появляется название Цзюйянь. Как предполагает О. Франке, слово Цзюйянь гуннского происхождения и, вероятно, обозначало «сыпучие» или «текущие» пески, т. е. то же самое, что и Люша¹⁴.

Первые упоминания о районе Эдзин-гол содержатся в «Исторических записках» Сыма Цяня и относятся к лету 121 г. до н. э., когда в войсках с гуннами 127—121 гг. до н. э. китайские войска доходят до северо-запада Ганьсу и, вероятно, достигают района Эдзин-гол.

Данные археологического обследования заставляют предположить, что основанный в 102 г. до н. э. в районе (уезде) Цзюйянь город в ханьский период находился в 15 км к северо-востоку от Хара-хото. До настоящего времени там сохранились развалины крепости с глинобит-

³ См. «Цзюйянь Хань цзянцзя пянь», Пекин, 1959 (на кит. яз.).

⁴ А. И. Иванов, *Документы из города Хара-Хото*, I. Китайское частное письмо XIV в., — «Известия Императорской Академии наук», СПб., 1913, стр. 811—816.

⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология*, т. I, М., 1960, стр. 40—50.

⁶ A. Stein, *Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran*, vol. I, Oxford, 1928, pp. 428 and fol.

⁷ H. Maspero, *Les documents chinois de la troisième expedition de sir Aurel Stein en Asie Centrale*, London, 1933.

⁸ O. Franke, *Geschichte des Chinesischen Reich*, vol. V, Berlin — Leipzig, 1955.

⁹ H. Matsuda, *On the Position occupied by Etsina in the Intercourse between East and West*, — «Tonogaku Gonshu», Tokyo, 1954, № 1.

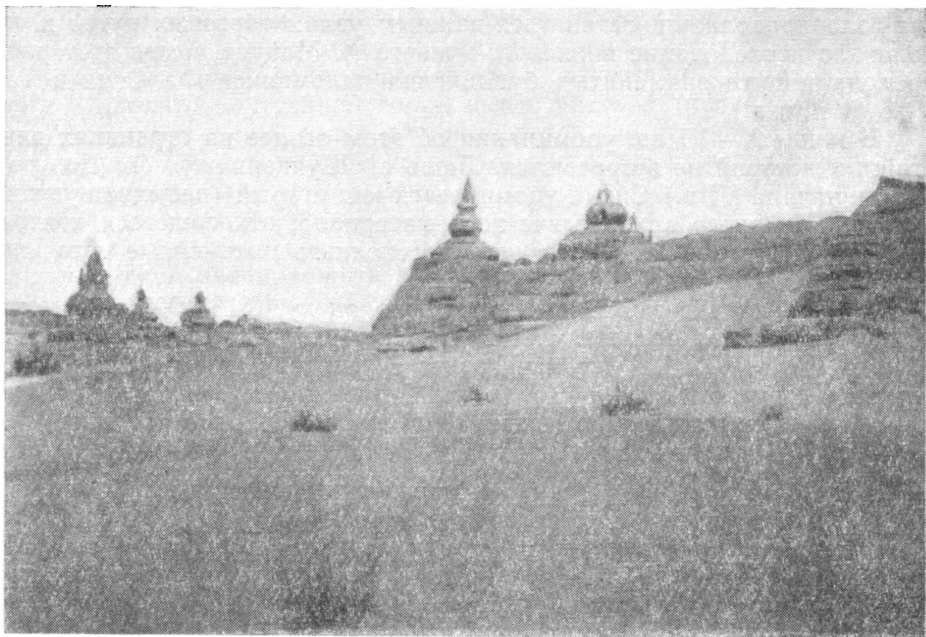
¹⁰ B. Sommarström, *Archaeological Researches in the Edsen-gol Region Inner Mongolia*, pt 1—2, Stockholm, 1954.

¹¹ В. Н. Казин, *К истории Хара-хото*, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. V, Л., 1961, стр. 273—285.

¹² J. Maringer, *Contribution to the Prehistory of Mongolia*, — «Sino-Swedish Exp. Publ. 34», Stockholm, 1950, pp. 204—208.

¹³ См. «Шаншу», — сб. «Сыбу бэйяо, цзинбу ООЗ», Шанхай, 1935, стр. 59 (на кит. яз.).

¹⁴ См. O. Franke, *Geschichte...*, S. 88 und fol.

Стены г. Хара-хото. (Фото П. К. Козлова)

ными стенами. Крепость имела форму квадрата, сторона которого была равна 130 м. Солдаты, расквартированные в этом уезде, жили в хижинах, различное число которых составляло общину — «тин», во главе с «тинчжаном». Следующей единицей была инспекция — «ся вэй», затем шел магистрат — «пинчжан». Главным административным лицом уезда был «дувэй». У нас имеются данные «Хоуханьшу» — Династийной истории Восточной Хань (I—III вв. н. э.) — о числе жителей уезда Цзюйянь¹⁵. При Поздней Хань в нем было 1560 дворов с населением 4733 человека¹⁶.

После бурных событий I в. до н. э. сведения о Цзюйяне в письменных источниках встречаются реже. Вероятно, это объясняется тем, что гунны были оттеснены далеко на запад и роль Цзюйяня в связи с этим уменьшилась. «Цянь Хань шу» — Династийная история Западной Хань (III в. до н. э. — I в. н. э.) — сообщает, что при Ван Мане (9—22 гг. н. э.) город был переименован в Цзюйчэн. В конце ханьского периода на месте уезда учреждается округ Сихай.

500 лет, последовавшие за крушением Ханьской империи, были для истории Хара-хото темным периодом, о котором редко упоминается в письменных источниках. Материалы об этом периоде собраны В. Н. Казинным¹⁷.

Несколько раз об округе Сихай (район Хара-хото) говорится в «Цзиньшу» — Династийной истории Западной Цзинь (265—314 гг.). В это время округ административно входил в состав области Лянчжоу и насчитывал 2500 дворов. Он упоминался при описании местных династий Цянь Лян (301—376), Хоу Лян (376—403), Бэй Лян (401—449),

¹⁵ «Хоухань шу», Шанхай, 1935 (на кит. яз.).

¹⁶ Там же, цз. 33, стр. 280.

¹⁷ В. Н. Казин, *К истории Хара-хото*, стр. 277—278.

Си Лян (401—421). В течение этого времени (III—V вв.) низовья Эдзин-гола продолжали оставаться важным узлом торговых путей и, как показало исследование японского ученого Х. Мацуда, через этот район проходили пути знаменитых буддийских паломников Фа Сяня и Тань У-кэ (V в. н. э.)¹⁸.

В конце V—VI вв. упоминания об этом оазисе на страницах династийных историй не встречаются. Лишь в «Шуйцзинчжу» Ли Дао-юаня (книге начала VI в.) Сихай упоминается как старый (несуществующий) город¹⁹. Никакого археологического материала, относящегося к периоду между II и VIII вв. и могущего восполнить письменные источники, мы не знаем.

О судьбе оазиса Эдзины в Танскую эпоху (618—907 гг.) можно сказать несколько больше. «Синь Тан шу» (Династийная история) сообщает, что в VII—VIII вв. в низовьях Эдзин-гола находилась крепость Тунчэн, входившая в уезд Шаньданы. О времени ее основания источники не сообщают ничего. В начале царствования императрицы У-хоу (684—705) в низовьях Эдзин-гола восстают племена тунло и пугу, которые были разбиты около озера Цзюйянь генералом Лю Цзин-туном, и в Тунчэне основывается наместничество (хуфу) Аньбай. Последние сведения об этой крепости относятся к 743 г., когда она переименовывается в «Нинкоуцзюнь» — «Армия усмирения разбойников»²⁰. В энциклопедии второй половины VIII в. «Тун дян» приводится численность ее гарнизона, составлявшая 1700 солдат и 100 лошадей²¹.

Исследования Ф. Бергмана внутренней части Хара-хото свидетельствуют о том, что здесь в Танскую эпоху находилась крепость. Бергман обратил внимание на то, что среди разрушенных построек внутри города отчетливо выделяются остатки массивных стен (лучше всего они сохранились на юге). Части этих стен глинобитные, имеют в ширину 8—10 м, а по высоте равняются почти половине общей высоты наружных стен Хара-хото.

Одна часть стены имеет в длину 60 м и через промежуток в 4 м переходит в массивную квадратную платформу, на которой помещен небольшой храм. Обследование показало, что эта платформа первоначально представляла собой часть стены, впоследствии расширенной. Другая часть напоминает укрепление, размерами 30×34 м, с проходами на севере и востоке. После пустого промежутка в 70 м идет два массивных куска стены длиной в 40 м, находящихся на половине расстояния между западной и восточной стенами Хара-хото.

Измерения Ф. Бергмана показывают, что все эти куски глинобитной стены находятся на одном уровне, соединяясь на востоке и севере с городскими стенами. Вместе с соответствующими секциями городской стены Хара-хото они образуют квадрат, стороны которого равны 240 м. Этот квадрат расположен в северо-восточной части города и занимает приблизительно его третью часть. Сохранившаяся часть и была, по-видимому, угловым бастионом, башня, вероятно, защищала ворота, а выступ постамента был боковым бастионом. Северная и восточная стены стали составными частями главных городских стен. Интересно отметить, что хорошо сохранившаяся улица, названная П. К. Козловым «Торговей», соединяет ворота Хара-хото и фундамент храма. Эта улица параллельна южной внутренней стене и делит внутренний город на две равные части.

¹⁸ Н. Matsuda, *On the Position...*, pp. 80, 82.

¹⁹ Ли Дао-юань, *Шуйцзинчжу*, Пекин, 1958, цз. 6, стр. 129 (на кит. яз.).

²⁰ «Тан шу», Шанхай, 1935, цз. 40, стр. 496 (на кит. яз.).

²¹ См.: В. Н. Казин, *К истории Хара-Хото*, стр. 276.

Во время работы в Хара-хото Ф. Бергманом были заложены шурфы, позволившие обнаружить наличие толстого (до 40 см) горелого слоя. Интересно также отметить, что в шурфах, заложенных за пределами внутреннего города, горелый слой отсутствует. В отличие от самого Хара-хото внутренний город имеет чисто китайские черты: квадратную форму, стены, расположенные строго по странам света, и ворота в центре. Свидетельством того, что этот город существовал в дотангутское время, служат найденные в нем монеты «кайюань» и письмо Су Жэнь-го с датой 6-го месяца 2 года Юнтай (т. е. 766 г.)²². Хотя прямых доказательств у нас пока нет, но со значительной долей вероятности мы можем предположить, что внутренний город Хара-хото был крепостью Тунчэн-Нинкоуцзюнь танского времени.

В течение последующих 200 лет, с конца VIII по конец X в., опять нет никаких сведений о низовьях Эдзин-гола. Приблизительно в течение 100 лет (с 50—70-х годов VIII в. по 50-е годы IX в.) областью Ганьсу, в том числе районом Эдзин-гол, владеют тибетцы. После распада их царства эта область принадлежит различным тюркским княжествам, а со второй половины X в. — уйгурам.

Низовья Эдзин-гола были важны и для государства Сися (982—1227 гг.). Находясь на перепутье торговых дорог, эта область была главным северо-западным аванпостом Тангутского государства в их борьбе с дадань и уйгурами. Кроме стратегического низовья Эдзин-гола имели несомненно важное экономическое значение. При полузасушливом климате и недостатке хлеба в Тангутском государстве этот район был крупнейшим плодородным оазисом на севере.

Данные китайских письменных источников о Хара-хото в этот период очень скудны. Это объясняется тем, что, находясь далеко на северо-западе, он не привлекал к себе внимания китайцев. Дата основания тангутами города нам неизвестна. Из династийной истории «Юаньши» — Юаньской династии (1280—1368 гг.) — мы знаем, что низовья Эдзин-гола были заняты тангутами в начале XI в.²³. Это подтверждает нумизматический материал, обнаруженный в Хара-хото. Если мы оставим в стороне монеты «кайюань», то самые ранние монеты были найдены третьей экспедицией П. К. Козлова. Это монеты периодов Сунъюань (960—976), Сяньпин (998—1003), Цзиньдэ (1004—1007) и Дачжун сяньфу (1008—1016). Среди находок экспедиций А. Стейна и Ф. Бергмана имеются монеты периодов Сяньпин (998—1003), Цзинъю-пань (1034—1038) и Хуансун (1038—1039). В отличие от монет кайюань, находившихся в обращении долгое время после их выпуска, монеты сунского времени служат хорошим критерием для датировки. Сопоставив вышеприведенные факты, мы можем предположить, что Хара-хото, вероятно, был основан тангутами в начале XI в. как опорная база для продвижения их на северо-запад и был назван по имени р. Эдзин-гола Эдзина. А. И. Иванов считал, что слово Эдзина представляет собой искажение Цзюйянь — древнего китайского названия этой местности²⁴. Н. А. Невский же убедительно показал, что слово Эдзина — чисто тангутского происхождения, обозначающее «Черная река»²⁵. В XI—XII вв. китайцы называли Эдзину — Хэйшуй, что также обозначает «Черная река». Крепость Эдзина входила в линию «гарнизонного командования» — «вэй-фуцзюнь».

²² H. Maspero, *Les documents...*, pp. 192—193; B. Sommarström, *Archaeological Researches...*, pt 2, p. 196.

²³ «Юаньши», Шанхай, 1935, стр. 456 (на кит. яз.).

²⁴ А. И. Иванов, *Документы...*, стр. 813—815.

²⁵ Н. А. Невский, *Тангутская филология*, т. I, стр. 40—44.

Когда император Ли Юань-хао разделил страну на 12 военных округов, то центром округа Чжэнъянь стал г. Хэйшуй (т. е. Хара-хото). Согласно «измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи Небесного процветания» (Тянь шэн, 1149—1170), Хара-хото входил в четвертый, или низший, ранг городов наряду с такими тангутскими городами, как Шачжоу, Лунчжоу, Ганьчжоу, Юнчан и Иньчжоу, но стоял выше таких городов, как Суйчжоу и Сячжоу, входивших в последний, или пятый, ранг²⁶.

Представление о том, как выглядел оазис Эдзина в тангутское время, мы можем получить по описанию, составленному Ф. Бергманом на основании раскопок. Оазис, особенно его северная часть, был густо заселен, его жители обитали не в деревнях, а в разбросанных среди полей глинобитных домах, кроме чиновников и помещиков, живших в больших домах, украшенных на китайский манер цветной черепицей. Эти археологические данные вполне согласуются с письменным источником «Сися цзи», в котором говорится: «Обычно все тангуты жили в глинобитных домах, и только получавшие на то особое разрешение могли покрывать их черепицей»²⁷. Среди невысоких домиков возвышались ступы индотибетского типа с прямоугольным фундаментом и куполом, увенчанным ступенчатым шпилем. На территории оазиса было много буддийских монастырей, обычно обнесенных стеной, с храмом в центре. Весь оазис был густо изрезан каналами, питающимися водой из Эдзины.

Город Хара-хото в нынешнем его виде является в основном памятником тангутской эпохи. Он имеет прямоугольную форму со сторонами, ориентированными по странам света, с размерами 380×450 м. Стены города глинобитные, укрепленные тремя рядами деревянных стропил. Ширина стен у основания равна 12 м, сужаясь к вершине до 4 м, высота — 8 м. Наверху, на внешней стороне стены, идет зубчатый парапет высотой в 2 м, сложенный из кирпичей. По углам города стоят круглые башни, по сторонам находятся выступающие прямоугольные бастионы, обычно той же самой высоты и ширины, что и сама стена. Их насчитывается шесть на северной стене, пять — на южной и по четыре — на западной и восточной.

Фундамент стены с внешней стороны на расстоянии 4 м обнесен низким глинобитным валом толщиной в 3 м, точно следующим всем выступам стены. Двое ворот, расположенных на востоке и западе, защищены выступом стены в форме буквы «Г». Как указывает Б. Соммарстрем, расположение городских ворот несколько выше или ниже центра узких сторон прямоугольника типично для тангутских городов²⁸. Все угловые башни и два западных бастиона угловой стены украшены ступами (субурганам) различных размеров, построенными из вертикально поставленных кирпичей с толстым слоем штукатурки.

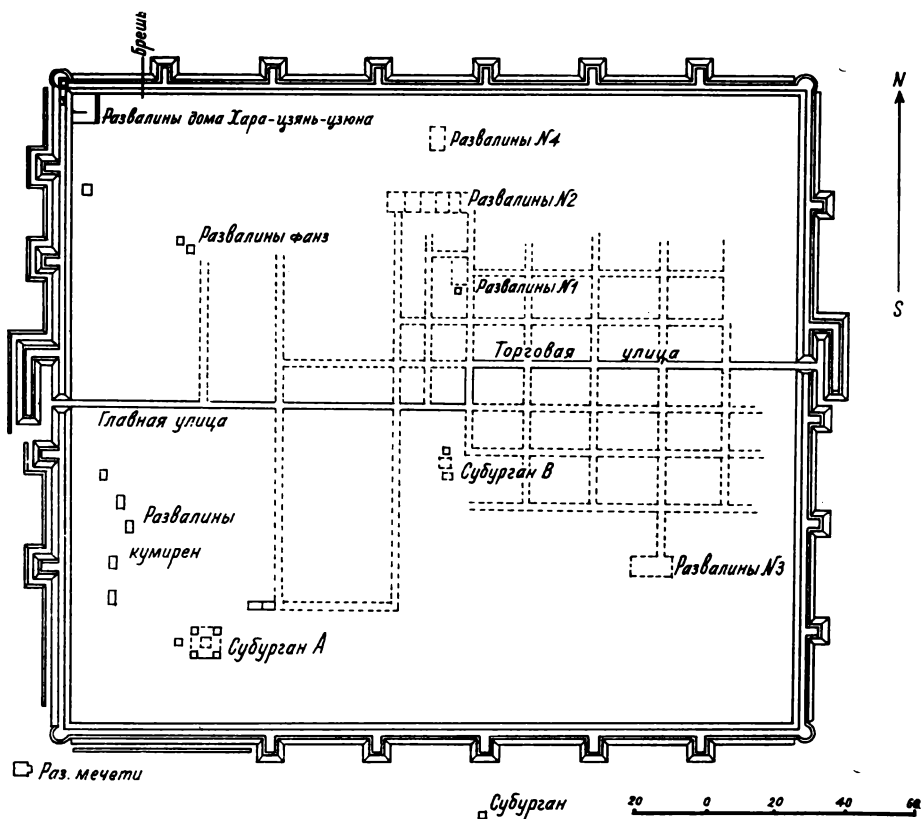
Самый большой субурган, высотой около 12 м, расположен на северо-западной угловой башне. Вокруг него устроено подобие балкона с барьером, приспособленным для стрелков. У восточной стены города находилось небольшое предместье.

В противоположность хорошо сохранившейся городской стене, внутренняя часть города разрушена почти до основания. От зданий сохранились небольшие бугры со следами пожара. Лишь в отдельных местах видны развалины храмов, субурганов, складов и богатых домов. В восточной части города были расположены торговые постройки. В центре

²⁶ Эти сведения сообщены Е. И. Кычановым, которому я приношу свою благодарность.

²⁷ Дай Си-чжан, *Сися цзи*, Шанхай, 1925, изд. 19, стр. 166 (на кит. яз.).

²⁸ B. Sommarström, *Archaeological Researches...*, pt 2, p. 191.

План развалин г. Хара-хото

возвышалось большое здание, по предположению П. К. Козлова — «управление». Храмы, богатые дома и дворец группировались на северо-западе. Развалины дворца представляют собой сложную систему полуразрушенных стен, дворов и переходов. Узкие улицы, пересекающие город, идут строго параллельно стенам. Среди улиц выделяются две, названные П. К. Козловым «Главной» и «Торговой». «Главная» — протянулась от западных ворот к восточным, а «Торговая» — соединяет «управление» с восточными воротами.

Для защиты Эдзинского оазиса тангутами была создана укрепленная линия, названная Ф. Бергманом Морен-гольская линия башен, идущая между реками Морен-голом и Икэн-голом. Несколько башен находилось на севере оазиса. В. Н. Казин пишет о существовании сплошного каменного вала со рвом к северу от озер. На археологической карте Ф. Бергмана такого вала нет.

Граница с Монголией, тангуты одни из первых испытали на себе удары монгольских полчищ. В 1226 г. монгольская армия во главе с Чингисханом (для которого это был последний поход) в решающей битве в районе Алакшань разбивает тангутское войско. В том же году монголы занимают Хара-хото, и в 1227 г. Тангутское государство перестает существовать. Обстоятельства взятия Хара-хото «Юаньши» описывает следующим образом: «Чингиз давно уже был разгневан на государство Ся. Он, лично командуя сотысячным войском, прибыл в

Циньчуань... Двинув вперед войско, он перешел пески и, войдя в Хэси, ударил на племена Сали, Тэле и Чиминь. Напав на г. Хэйшуй, он овладел им. Умерло тангутов в бою при взятии города несколько десятков тысяч»²⁹.

В так называемом «Знаменитом субургане» была собрана уникальная коллекция памятников тангутской культуры, особенно последних лет существования государства Сися. Хотя большинство памятников относится к XII в., самый поздний из датированных ксилографов помещен 1212 г.

Занимаясь разборкой предметов, П. К. Козлов был поражен тем, что «все богатство, собранное в знаменитом субургане: книги, образа, статуи и другие предметы, лежали в крайнем беспорядке... Чем выше, тем хаотичнее группировалось богатство субургана: книги лежали кипами и в одиночку, плотно прижатые друг к другу или образам, свернутым в отдельности на деревянных валиках... Только в основании субургана было отмечено несколько книг, тщательно завернутых в шелковые ткани»³⁰. Самое правдоподобное объяснение этого обстоятельства может заключаться в том, что в субурган во время осады монголами Хара-хото были наспех положены сокровища какого-либо местного монастыря.

Нашествие монголов уничтожило тангутскую культуру и дотла разорило города и поселения. Как говорит источник того времени: «Из ста человек не уцелело и одного, двоих. Белые кости покрывали поля»³¹.

Владычество монголов открывает новую и последнюю страницу в истории Хара-хото. При Юаньской династии (1280—1368) Хара-хото, или Ицзинай (так стал называться город в китайских письменных источниках), приобретает значение важнейшего перевалочного пункта на пути в монгольскую столицу Каракорум. Эту роль Хара-хото подчеркивает побывавший в нем Марко Поло. «Тут забирают продовольствие на 40 дней; как выйдешь отсюда, так 40 дней, знайте, едешь на север степью и нет там ни жилья, ни пристанища»³².

В Хара-хото с 1286 г. существовала военная колония из 200 солдат, основанная с помощью насильно мобилизованного местного населения, а также была образована префектура — цзунгуаньфу, ставшая центром дороги — лу³³. Это подтверждают находки А. Стейна, среди которых имеются официальный документ расхода провианта гарнизона Хара-хото за 1309—1311 гг. и документы экспедиции, упоминающие помощника губернатора — тунчжи, контролера — баньгуань, судью — туйгуань и т. д.³⁴ Как указывает А. Масперо, все эти должности встречаются в структуре префектуры второго класса, каковой являлся Хара-хото³⁵. По данным «Юаньши», в XIII в. население города составляло 1550 дворов, 3980 душ³⁶.

По тем же данным «Юаньши», в этот период в оазисе восстанавливается оросительная система и проводятся новые каналы³⁷ (это подтверждается находками экспедиций А. Стейна официальных докумен-

²⁹ «Юаньши», стр. 32.

³⁰ П. К. Козлов, *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото*, М., 1947, стр. 300.

³¹ Дай Си-чжан, *Сися цзи*, цз. 26, стр. 196.

³² «Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 84.

³³ «Юаньши», стр. 456.

³⁴ H. Maspero, *Les documents...*, p. 204.

³⁵ Ibid., p. 196.

³⁶ «Юаньши», стр. 456.

³⁷ Там же.

тов Бюро рек и каналов — Хэцзюй сы)³⁸, происходит ремонт городских стен, построенных еще тангутами, в результате которого была переделана или заново перестроена северо-западная часть городской стены, значительно отличающаяся от основной конструкции (гораздо ниже и шире). По сведениям «Цинь бянь цзилю» («Краткое описание границ области Цинь» — географическое сочинение конца XVII в.), — в 1341 г. перестраивается и дворец местного управителя³⁹. К монгольскому времени следует отнести и здание мечети.

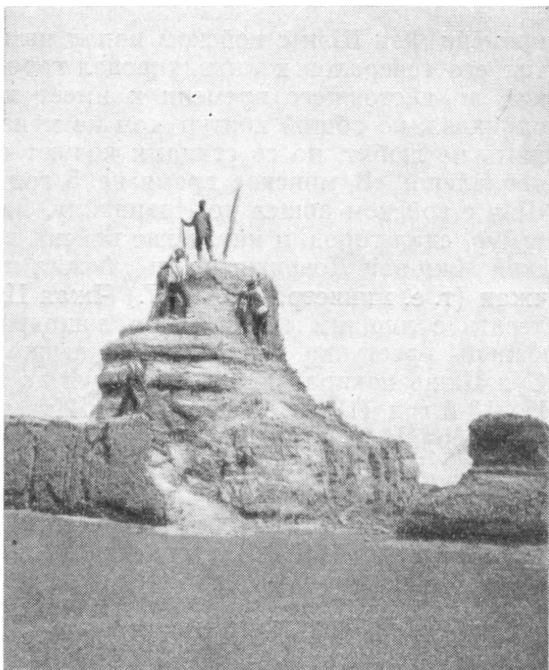
Находки мусульманских книг, сирийских христианских рукописей, текстов на монгольском, уйгурском и тибетском языках указывают на широкие связи Харахото с другими странами.

После захвата Пекина в 1368 г. войсками восставших китайцев под предводительством Чжу Юань-чжана господство монголов в Китае закончилось и утвердилась Минская династия (1368—1644). В Харахото же власть монголов просуществовала еще четыре года. Судя по кратким сообщениям, содержащимся в династийной истории «Мин ши», китайские войска захватили Ицзинай (Харахото) в 1372 г., но еще в 1373 г. в округе Ицзюнай лу продолжались военные действия⁴⁰.

Рассказы местных монголов о владетеле города батыре Хара Цзюнь-гуане и его последней битве с китайцами, приведенные в книге П. К. Козлова, представляют собой чистые легенды, лишенные какого-либо основания. Как уже было указано А. Стейном и Б. Соммарстромом, в этих легендах заслуживает внимания лишь эпизод с отводом китайцами воды от Харахото, так как этот прием неоднократно использовался китайцами при осаде городов.

При походе китайских войск на Каракорум в 1380 г. снова упоминается Ицзинай⁴¹. В результате этих разорительных походов оазис Эдзин-гола пустеет, а сам город, по данным минских географических сочинений, переходит в число упраздненных.

Важнейшие сведения о последнем периоде существования Харахото содержатся в «Циньбянь цзилю». Это произведение не использовалось в работах западных ученых, посвященных истории Харахото, и упоминание о нем встречается лишь в статье В. Н. Казина. В этом сочинении содержится описание захвата Харахото минскими войсками и состояние города в конце XVII в. В нем говорится: «В начале минского

«Знаменитый» субурган

³⁸ Н. Maspero, *Les documents...*, pp. 198—199.

³⁹ «Циньбянь цзилю», цз. 3, стр. 236 (на кит. яз.).

⁴⁰ «Мин ши», Шанхай, 1935 (на кит. яз.).

⁴¹ Там же, цз. 2, стр. 50—51.

времени Фэн Шэн с войском напал на вана (города Ицзин-лу), захватил его генералов и ликвидировал город. Городской дворец еще крепкий до настоящего времени и имеет величественный вид. Хотя он и одряхлел, но общий контур тем не менее сохранился. Кочевники здесь жить не любят, но со стадами кочуют в этих местах». В комментарии добавлено: «В минское время на 5 год Хун-у (1372 г.) Сунгогун Фэн Шэн с войском дошел до Ицзинайлу. Защитник города, генерал Буяньтемур, сдал город, и китайские войска дошли до гор Бецзяшань. Юаньский Чжи-ван Доэрчжитипань убежал прочь. Были захвачены его пинчжан (т. е. министр.— *Е. Л.-Л.*) Чжан Цзя-ну и еще 27 человек, а также десять с лишним тысяч голов лошадей и скота. На 26-й год (1373) юаньцы преступно напали на лянчжоускую столицу. Командующий Сун Шэнь покарал их и, преследуя до Ицзинайлу, казнил их главаря. На 13-й год (1380) он послал Ми Ина наказать хоточи в Хэлине (т. е. Каракоруме). Тот из Ицзинайлу переправился через реку и дошел до Хэлиня. Когда его войско при возвращении обследовало укрепления области Цинь (т. е. пограничные укрепления провинции Ганьсу), то там дерева шань (криптомерии) не было. А что касается Цзюйяньского (т. е. Хара-хотинского) дворца, то балки в нем были сделаны из неизвестно откуда привезенной криптомерии. Дворец был покрыт желтой черепицей, глазурью, оленьей шерстью, штукатуркой. На нем имелась надпись из шести иероглифов: „Чжичжэн юань нянь чжунсю“ („Перестроен на 1 год Чжичжэн“, т. е. 1341 г.). Остальные иероглифы исчезли, и разобрать их было невозможно. Кочевые племена там не останавливаются»⁴².

После сообщения «Циньбянь цзилю» никаких новых данных о Хара-хото в китайских письменных источниках не встречается. Согласно «Мэнгу юмуцзи» («Записям о монгольских кочевьях»), в 1731 г. в районе Эдзин-гол поселяются монголы-торгоуты.

Во второй половине XIX в. русские исследователи Г. Н. Потанин и Г. Е. Грум-Гржимайло узнают о существовании в низовьях Эдзин-гола развалин города. Русское Географическое общество заинтересовывается этим сообщением и поручает П. К. Козлову, направлявшемуся в Монголо-Сычуаньскую экспедицию, исследовать этот город. И вот 19 марта 1908 г. П. К. Козлов первый из исследователей увидел засыпанные песками пустыни стены мертвого города Хара-хото.

⁴² «Циньбянь цзилю», цз. 3, стр. 23 а—б (на кит. яз.).